

**Ильченко В. Н.
(Екатеринбург)**

**Особенности правовых отношений между
Русской православной церковью и советским государством
в годы Великой Отечественной войны**

К началу Великой Отечественной войны по-прежнему число верующих оставалось значительным. Материалы переписи 1937 г. свидетельствовали о традиционной верности христианской вере (1). В этой связи важным являлось отношение к войне Русской Православной Церкви, выразившееся уже в первый день войны в послании митрополита московского и коломенского Сергия (2). Он обратился к народу 22 июня 1941 года в день праздника всех святых земли русской. Его пасторское послание было разослано по всем приходам. (Это было нарушением действовавшего закона, согласно которому запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен, как всякое вмешательство в государственные дела). В своем послании Сергей пишет «Мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охватив весь земной шар до нас не дойдет». Православная церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она переживала все его испытания, так и его успехи. Не оставит она своего народа и теперь. Благословляет она и предстоящий всенародный подвиг» (3). Он напомнил народу о его героях, которых воодушевляло чувство долга перед своей страной и церковью. Сергей убеждал священников не оставлять своих прихожан, и тем более не предаваться размышлениям о возможном переходе на другую сторону фронта, что было бы по его словам «изменой Родине и своему пасторскому долгу». Это явный намек на то, что после всех ужасов и преследований мысль об этом могла показаться многим соблазнительной. В литературе, к сожалению, встречается мнение о том, что митрополит Сергей определил патриотическую позицию под страхом репрессий со стороны государственных органов (4). Опровергая эти домыслы, Сергей писал, что он из любви к Родине и народу без чьих-либо просьб и тем более принуждений всячески противился фашизму и порабощению им нашей страны. Сергей говорит, что люди, заявляющие противное, живут корыстными целями и эгоистическими интересами, а не интересами церкви. При этом митрополит Сергей вспоминал что « нам не приходилось даже задумываться о том какую позицию должна занять наша церковь во время войны» (5). Через четыре дня он отслужил в патриаршем Соборе благодарственный молебен, после которого произнес проповедь, содержащую намек на то, что положение в Советском Союзе неблагоприятно «Пусть грянет буря, мы знаем, что она принесет не только несчастья, но и облегчение, она очистит воздух и унесет ядовитые испарения. Мы уже видим некоторые признаки этого очищения». Это было началом активного участия Сергей и возглавляемой им церкви в патриотической борьбе.

В октябре, когда немцы стояли вблизи Москвы, Сергей выступил с посланием, осудившим тех священнослужителей, которые, оказавшись под оккупацией, начали активно сотрудничать с немцами. Весьма важными и требующими особого внимания представляются в этой связи вопросы, связанные с положением Русской Православной Церкви на оккупированной территории. Не секрет что фашизм нуждался в религиозном оправдании и использовал для освещения своего положения христианство. Об этом говорится в изданной Московской патриархией в 1942 г. книге под названием «Правда о религии в России», которая вышла одновременно на нескольких языках. К сожалению, в Советском Союзе в продажу поступило лишь небольшое количество экземпляров.

Московский патриархат осудил поступивших на службу к фашистам православных священнослужителей, не признал каноничности церкви созданных ими под покровительством фашистских оккупационных властей. Признание богословской теории войны руководителями Московской патриархии не привело их к антигуманному антинародному политическому выводу. Подавляющее большинство лидеров Русской Православной Церкви выступили как патриоты русского народа.

Первой уступкой церкви со стороны государства было последовавшее с 1942 г. разрешение совершить в Москве пасхальный крестный ход. С первых дней войны церковь неустанно зывала к патриотизму населения. Особенно деятелен в этом был архиепископ ленинградский Алексей, которому разрешили остаться в осажденном городе для того, чтобы поддержать дух его жителей. Он провел в Ленинграде 900-дневную блокаду (6). «Бог судил нам, писал Алексей испытать бедствие, обрушившееся над родной землей, испить горькую чашу временного порабощения фашистскими злодеями» (7). Решением Верховного Совета СССР митрополит Алексей был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Смягчение антицерковной политики правительства проявилось в возможности открыть новые приходы, возобновить богослужения в заброшенных храмах. В печати почти полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда. Прекратил свое существование «Союз воинствующих безбожников». Были закрыты некоторые антирелигиозные музеи (8).

Митрополит Сергей предпринял важный шаг по пути фактической легализации церкви. 5 января 1943 г. он послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открыть церковный банковский счет, на который бы вносились все деньги, пожертвованные на оборону в церквях страны. Сталин разрешил церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло православной церкви статус юридического лица отнятого декретом «Об отделении церкви от государства» (9). В результате по имеющимся данным церковью было собрано более 300 миллионов рублей (10).

Причин, побудивших Советскую власть изменить свою политику по отношению к церкви, было несколько. Следует хотя бы сказать, что советская власть не решилась делать ставку в этой страшной войне только на коммунистическую идеологию. Православный патриотизм оказался той силой, на которую можно было опереться. Большую роль сыграли и дипломатические причины. Частичная нормализация отношений между церковью и государством должна была изменить отношение эмиграции к советскому режиму.

Существенный поворот государства лицом к религии произошел после встречи митрополита Сергия и Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Уже через четыре дня после беседы, в Кремле состоялся Архиерейский Собор при участии 19 архиепископов, многие из которых были доставлены в Москву из лагерей и ссылок. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий был единодушно выбран патриархом Русской Православной Церкви. Собор также избрал Священный Синод (11).

19 сентября 1943 г. на кафедральном Богоявленском соборе состоялось интронизация патриарха. После избрания патриарха процесс нормализации отношений между православной церковью и советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви». Председателем Совета был учрежден полковник НГКБ Карпов Г.Г. Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он в никакой мере не будет выполнять руководящие и контролирующие функции по отношению к Русской Православной Церкви. Однако, на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный Синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв соборов, определение управленческой структуры церкви, утверждение правящих архиереев, направление в приходы священников, назначение епархиальных епископов, открытие храмов, духовных учебных заведений и другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться правительством. С участием Совета были подготовлены и приняты многие правительственные документы, оказавшие положительное влияние на процесс укрепления Русской Православной Церкви в обществе и нормализации церковно-государственных отношений (12).

Большое значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное правительством 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей» (13). Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании 20-х, 30-х годов у верующих появилась все-таки возможность восстановить деятельность некогда закрытых культовых заведений. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 30-е г., открытие культовых учреждений духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили улучшить положение православия (14). Новая религиозная политика больше-

вистского руководства дала возможность Русской Православной Церкви обеспечить рост практически по всем показателям своего развития.

Для контроля за развитием религиозной активности государственные органы управления использовали институт уполномоченных по религиозным вопросам. Он создавался параллельно с Советом по делам Русской Православной Церкви и должен был своевременно и точно реализовывать его директивы на местах. Согласно положению о Совете, утвержденному 7 октября 1943 г. в каждой союзной, автономной республике, крае и области при высшем исполнительном органе власти вводилась должность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви.

Подчиняясь напрямую руководству Совета, уполномоченные при согласовании с местной администрацией обязывались осуществлять наблюдение за религиозной обстановкой во вверенной территории. Круг обязанностей уполномоченного сводился к следующему: установление контроля за своевременным принятием к исполнению всеми местными органами власти законов и постановлений правительства, относящихся к жизнедеятельности церкви, учет всех действующих и закрытых культовых учреждений и определение их возможности для использования по назначению, рассмотрение заявлений, ходатайств верующих об открытии церквей, молитвенных домов и выработка предварительного заключения для решения этих вопросов со стороны органов власти, информация (в виде поквартальных отчетов и статистических сводок) о состоянии религиозных дел на подконтрольных уполномоченным участках.

Как правило, подбор и расстановка кадров уполномоченных осуществлялись местными органами власти. На эту должность решениями областных исполкомов назначались люди, имевшие стаж работы в партийных структурах, общественных организациях, исполнительных комитетах или органах внутренних дел.

Назначение уполномоченных по делам Русской Православной Церкви и формирование их административного аппарата практически во всех регионах страны было осуществлено в январе-феврале 1944 г.

Во второй половине Великой Отечественной войны церкви могли обеспечить себя церковной утварью, осуществлять ремонтно-реставрационные работы, содержать певчих, выплачивать заработную плату церковнослужителям, делать взносы в фонд обороны. К 1945 г. религиозные организации решением СНК СССР получили права юридического лица, отнятые у них законоположениями 1929 г. Разрешено было открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Открывались духовные семинарии, академии, монастыри. Но малейшее превышение предоставленных церкви государством прав незамедлительно порождало негативную реакцию. Начало деятельности священнослужителя и все последующие шаги были невозможны без соответствующих санкций органов управления. Активная церковная

деятельность пастырей часто вызывала сопротивление властных структур и ставилась вне закона. Крайне сложной и громоздкой была процедура открытия церквей. Ходатайства верующих и священнослужителей с просьбами об открытии культовых учреждений, о разрешении проводить церковные ритуалы и обряды часто не преодолевали бюрократические барьеры. Ходатайства принимались к рассмотрению органами власти после тщательной проверки. Сроки подготовительно-проверочной работы администрации не определялись законодательно. Приняв дело к рассмотрению, органы власти имели широкие возможности официально отказать просителям. Причины отказа могли быть многообразны. Положительно решалось не более 20% требований. Система инстинктивно не допускала возрождения религиозных традиций. Не отказывая открыто верующим в реализации их законных прав, обозначенных в постановлениях правительства, властные структуры стремились, как можно дольше затянуть решение вопросов, тем более что противоречивость документов предоставляла для этого широкие возможности. Чиновники, ожидая скорой отмены указаний сверху, стремились под разными предлогами притормозить ход событий. Однако, подавляющее большинство православного духовенства, осуществляли свою деятельность в период Великой Отечественной войны честно и достойно, несмотря на нехватку кадров, материальных средств в условиях половинчатости проводимых государством мероприятий. Тем не менее, объективные процессы, обусловленные необходимостью спасения Отечества должны были определить пусть временный, но очень нужный на данном этапе государственно-церковный компромисс. Таким образом, мы видим, что государство изменило свое отношение к церкви исходя из насущных интересов внутренней и внешней политики.

-
1. См.: Всесоюзная перепись населения. Краткие итоги. М., 1991.
 2. Русская Православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С.4.
 3. Русская Православная Церковь. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 4.
 4. Корзун М.С. Русская православная церковь 1917-1945 годы. Минск, 1987. С. 93.
 5. ЖМП. 1943. №1. С. 7.
 6. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 108.
 7. ЖМП. 1944. №4. С. 6.
 8. Цыпин В. Указ. соч. С. 130.
 9. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 180.
 10. Корзун М. С. Указ. соч. С. 95.
 11. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984. С.115.
 12. Цыпин В. Указ. соч. С. 145.
 13. См.: Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1990.
 14. См.: Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996. С. 260.